

Август Лок

• РОХЛЯ •

НЕСЧАСТЛИВЧИК

первый пушкинский
путешественник

Август Лок

Рохля Несчастливчик – первый пулинский путешественник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70404289

SelfPub; 2024

Аннотация

В ночь, когда родился Эшши Рох, на маленькую деревушку близ Пулинских гор обрушилась невиданная прежде гроза. Гром, ставший эхом первого младенческого крика, сотряс скалы и они осыпали соломенные крыши ветхих лачуг градом мелких камней. На самой окраине поселения старая, больная и толстая, как казалось ее хозяевам, коза с громким бляением выпустила в мир трехголового шестилапого козленка. Такими странными и разрушительными событиями сопровождалось появление на земле величайшего из героев – хоблина по прозвищу Рохля Несчастливчик.

Содержание

Глава 1. Первый пулинский путешественник	4
Глава 2 Герою нужны де-е-еньги!	9
Глава 3 Неудачная удачная охота	17
Глава 4 Недостойное деяние и достойная награда	21
Глава 5 Откровения пророка Длиннохвостуса	25
Глава 6 Чрезмерная плата за авантюризм	31
Глава 7 Дикий-дикий чай	35
Глава 8 "Настоящий мужчина"	38
Глава 9 Восход первой луны	44
Глава 10. Я же не эта, ик, как ее?	48
Глава 11. Иногда героизм не в геройствах	51
Глава 12. И всё идет по плану (или нет)	54
Глава 13 Как тут не растаять?	58

Август Лок

Рохля Несчастливчик

– первый пулинский

путешественник

Глава 1. Первый

пулинский путешественник

В ночь, когда родился Эшши Рох, на маленькую деревушку близ Пулинских гор обрушилась невиданная прежде гроза. Гром, ставший эхом первого младенческого крика, сотряс скалы и они осыпали соломенные крыши ветхих лачуг градом мелких камней. На самой окраине поселения старая, больная и толстая, как казалось ее хозяевам, коза с громким бляением выпустила в мир трехголового шестилапого козленка. Такими странными и разрушительными событиями сопровождалось появление на земле величайшего из героев – хоблина по прозвищу Рохля Несчастливчик.

Ко второму и последнему классу хоблинской школы Эшши твердо усвоил три самые важные вещи:

1. Разводить огонь следует... кому угодно, только не ему.

2. Говорящих птиц не бывает! И если ты полез искать клад в глубине мусорной кучи – глумливо ржущая с ветки ворона тут совершенно ни при чем.

3. Жить там, где каждая собака помнит, как ты походя разрушил три амбара одним мотком веревки, совершенно невозможно.

Справедливости ради, на другом конце этой проклятой веревки был привязан пойманный начинающим героем призрак, но каждый хоблин с раннего детства знает: если ты что-то видишь, это не значит, что оно есть. Все, что есть на самом деле, перечислено в великой Книге Всего, а призраками там отродясь даже не пахло.

И сколько бы Эшши Рох не получал нагоняев за "дурные фантазии", сколько бы Очистительных Судов (1) не прошел, так и не прекратил свои "глупые проделки" и "позорящие род выходки". Ибо он-то точно знал, что на самом деле спасает деревню и ее жителей, а не пытается свести с ума уставших отстраивать здания старейшин.

– Меня никто не понимает! – сокрушался ночами в подушку тощий и нескладный хоблин, и был абсолютно прав.

В день своего страннoлетия, когда оракул должен был сообщить потомку храбрых (2) камегрызов, какую профессию ему уготовила судьба, родители, соседи и даже товарищи по играм собрались на площади Хорри Жониса. Ровно сто один широко распахнутый глаз смотрел на невысокую сцену, а сто два уха топорщились вверх, надеясь расслышать, в чью лав-

ку или мастерскую определяют главное несчастье маленького, но гордого народа.

Упитанный старец в потрепанной темной тунике долго кашлял, растягивая ожидание и нервы слушателей. Первые ряды зашептались, споря, следует ли немедленно вызвать знахарку или это будет расценено богами как вмешательство в священный обряд, а Рохля Несчастливчик, заметивший у стены ближайшего дома сидящую в луже кикимору, нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Даже не думай сейчас охотиться, маленький глупый хоблин! – шепотом уговаривал сам себя Эшши.

Когда повисшее в воздухе напряжение достигло плотности студня, а малолетний забияка Финкл Мряк занес ногу, чтобы, протиснув ее между стоящими впереди академиками (3), пнуть старейшину Кобба по выпирающей из заднего кармана фляжке, оракул наконец прекратил давиться воздухом и поднял сухую морщинистую руку, призывая к тишине.

– Боги сообщили мне свою волю! – пискляво и не слишком торжественно прокричал старик. – Эшши Рох, прозванный... Чего, малыш? Не надо прозвище? Но положено же... Ладно, ладно.

Рохля отпустил рукав оракула и снова выпрямился, как и подобает воспитанному страннолетнему хоблину. Кикимора в луже глумливо захихикала.

– Эшши Рох, прозванный сами знаете как, с этого самого дня по велению судьбы и издевающихся... простите... обе-

регающих его богов нарекается первым пуланским путешественником и отправляется в путь не позднее, чем завтра на рассвете.

Толпа завизжала от восторга, а Несчастливчик почувствовал, как теряет сознание. Последнее, что отпечаталось в памяти героя раскаленным клеймом, была захлебывающаяся хохотом и дождевой водой кикимора.

Экипировку для первого путешественника собирали всей деревушкой. Добрые соседки насушили сухарей, налили сидра в дорогу и даже положили дюжину теплых носков. Отец, гордый и печальный одновременно, достал с чердака ржавый зазубренный меч, оставшийся от чокнутого (4) дальнего родственника. А хозяин маленькой фермы у самого леса привел хромого косоглазого ослика, совершенно непригодного к тяжелой сельскохозяйственной работе.

Эшши очнулся перед самым рассветом и с удивлением обнаружил, что к руке привязан потрепанный повод, на другом конце которого недовольно пофыркивает донельзя навьюченное животное. Сердце героя сжалось от нежности и светлой грусти. Как мог он столько лет не видеть, какие милые и добрые хоблины его окружают? Как мог не ценить их теплой, пусть и неловкой заботы? Как мог он...

Из-за угла показался нос Финкла Мряка.

– Рохля Несчастливчик напялил мамин лифчик, – пропел вредный мальчишка ненавистный Эшши стишок, – А потом без ворожбы снес фонарные столбы. А затем запрыгнул в

речку и топил в ней человечков. А когда совсем устал, вдруг амбары рушить стал.

Первый пулинский путешественник, в одночасье растерявший жалкие крохи нежности к родному селению, сплюнул себе под ноги, перехватил повод поудобнее и с гордо поднятой головой зашагал в сторону восточных ворот. Впереди его ждали настоящие приключения и хорошие, верные друзья. В этом начинающий герой был совершенно уверен.

Справка:

(1) Очистительный Суд – общественное мероприятие, где провинившегося хоблина дергают за уши все пострадавшие соседи. Суд считается закрытым, когда уши приобретают бордовый оттенок или виновный сознается во всем и приносит ровно тысячу извинений. Да, они считают.

(2) Камнегрызами становятся только самые отважные хоблины, так как велика вероятность наткнуться на пещеру с хищным ящером внутри или, что гораздо страшнее, на камень, не поддающийся разгрызанию и оставляющий хоблина без зубов.

(3) Академиком считается каждый хоблин, умеющий считать до тысячи. Да, таких мало.

(4) Только по-настоящему чокнутому хоблину придет в голову бегать с мечом по округе, так как Пулин отрезан от остального мира и не имеет поблизости воинственно настроенных соседей.

Глава 2 Герою нужны де-е-еньги!

Эшши Рох сидел на берегу затянутого тиной озера, с упоением вдыхал болотный запах и грыз сухарь. Над камышами жужжали и попискивали мелкие насекомые, из муравейника ползли наглые, а возле самого уха крутились круглые и полосатые. Но безмятежный покой первого пулинского путешественника сейчас не смогла бы нарушить даже вредная хохочущая кикимора. Кикимора?!

Хоблин подскочил на полметра вверх и плюхнулся обратно, больно ушибив то место, где у менее тощих существ находятся ягодичные мышцы. Над водой в легкой утренней дымке красовалась (если это слово применимо к чему-то настолько некрасивому) зеленая пупырчатая голова с редкими рыжими волосенками.

– Ну и чего тебе надо? – спросил Эшши, поражаясь собственному благодушию.

– Подрабо-о-отка нужна-а-а?

– Работать на тебя?! А ну пшла прочь, поганка болотная! Да я таких как ты...

Не договорив, путешественник швырнул в нечисть сухарем, не попал, плюнул и принялся складывать в сумку остатки провианта.

– Нет, ну совсем обнаглели уже! Сначала куриц кра-

дут, потом божьих коровок на водопое топят, на площадях ржут, – ворчал хоблин, рисуя в воображении сотню хохочущих кикимор на дюжине площадей. – а теперь работу предлагают?

Осел, чувствуя настроение нового хозяина, зашелся противным криком и бодрым шагом направился к лесу, Несчастливчик еле за ним поспевал. Уже у самых деревьев парочку настиг отчаянный писклявый вопль:

– Я ще-е-едро заплачу-у-у!

Эшши остановился и поковырял пальцем в ухе, выковыривая остатки застрявшего звука, но оборачиваться не спешил, всем своим видом демонстрируя: он стоит потому что оглох, а не потому что ему действительно интересно.

– Кла-а-ад хо-о-очешь? Гер-о-ою де-е-еньги нужны-ы-ы.

Вот теперь можно было слегка повернуть голову, мол, продолжай, конечно, но я пока не слишком впечатлен.

– Зде-е-есть побли-и-изости разбо-о-ойники мешо-о-очек закопа-а-али, а в не-е-ем моне-е-еты. Мно-о-ого! – искушала нечисть, почувствовав, что рыбка клюнула.

– Что делать надо? – буркнул хоблин себе под нос, не сомневаясь, что наглая болотная жительница его услышит.

– Подойди-и-и, расскажу-у-у.

– Так рассказывай. К тебе только подойди, сразу в утопленники запишешь.

– Труси-и-ишка! – прошипела кикимора и премерзко захихикала.

Такого Эшши спустить не мог. Один раз перед нечистью опозоришься – нигде житья не будет. Как потом призраков да гулей по буеракам гонять? Засмеют только. Покусав губу и поиграв ушами, путешественник выбрал риск вместо позора. Но веревку в кармане перехватил поудобнее, мало ли что?

– Ну? – буркнул хоблин, выбрав место у самой кромки воды и прикинув дерево, к которому будет сподручно привязывать чешуйчатую гадину.

– Ты вере-е-евочку заговоре-е-енную пода-а-альше убе-ри-и-и, а?

– Нет. Говори или я ухожу.

Кикимора помялась, пофыркала, показала клыки и, наконец впустую исчерпав весь арсенал угрожающих рож, вздохнула и рассказала о произошедшей с ней трагедии.

За три дня до странноголетия Рохли Несчастливчика на вверенную болотной нечисти территорию коварно пробрались неизвестные нарушители и превратили маленькое вонючее озерцо в прекраснейший и чистейший водоем. лягушек переловили и переселили (а может, и съели), тину сачками повытащили, а камыши безбожно подстригли. И если с первым пунктом зеленомордая еще могла смириться, то варварское отношение бандитов к взлелеянным ей растениям серпом пришлось по маленькому сдвоенному сердечку.

Эшши недоверчиво окинул взглядом откровенно заболоченный пейзаж и задал на удивление разумный для хоблина

вопрос:

– А чего тогда у тебя тут такое творится?

– Поворожи-и-ила, – призналась кикимора и принялась ругаться: – Га-а-ады граблеру-у-укие! Мздрю-ю-юки мало-хо-о-ольные! Одни-и-ин раз натвори-и-или – ла-а-адно, второ-о-ой – уже ху-у-уже, но тре-е-етий-то заче-е-ем?! И чет-ве-е-ертый... И бу-у-удет пя-я-ятый, коли ты не помо-о-ожешь!

– Так это каждую ночь происходит? – сообразил путешественник и неожиданно для себя самого ощутил искреннюю жалость к нечисти. – А чем я тебе помочь-то могу? Чай не сторож, а так. Если это кто из хоблинов творит...

– Не хо-о-облины, э-э-эльфы.

– Ну тогда тем более! – отрезал Рохля и развернулся, чтобы уйти. – Они ж даже не нечисть, так, мелкие вредители.

– Как некта-а-ара напью-у-утся, така-а-ая не-е-ечисть!

Эшши не снизошел до ответа, только хмыкнул и направился к жующему повод ослику. Далось ему это золото, с эльфами лучше не связываться, те еще прохиндеи!

– Два-а-а сундука-а-а! – заверещала кикимора, окончательно решив проблему хоблинской нерешительности.

***

Искать эльфов при свете дня – дело почти безнадежное. Их зеленые костюмчики сливаются с кронами деревьев, а ма-

ленькие желтые огоньки, которые так хорошо заметны ночью, слишком похожи на солнечных зайчиков и блики росы. А потому оставалось только устроиться поудобнее на окраине зачарованной роши и терпеливо дожидаться сумерек.

Эшши Рох, как и любой хоблин его возраста, не славился своим терпением. Скорее уж наоборот. А потому принял-ся от скуки мастерить сачок, которым с наступлением темноты наловит как можно больше эльфов, чтобы было, кого расспросить об учиненных на озере безобразиях. Ослик целеустремленно обгладывал кору дерева слюм, сладкую и настолько душистую, что по сравнению с ней трава под копытами вовсе казалась несъедобной. А Рохля Несчастливчик выкручивал гибкие прутья, сворачивал их кольцом и связывал надерганными из заговоренной веревки нитями.

К обеду вышло целых восемь отличных, прочных и даже чуть-чуть заколдованных колец. Зачем так много? Нет, он не планировал превратить их все в сачки и бегать, растопырив руки и зажав между пальцами по четыре ловчих устройства. Несколько штук можно было превратить в ловушки, парочку отложить как запасные, на случай, если вредные эльфы порвут или сломают то, чем их будут ловить, и только оставшиеся два – снабдить ручками и сеткой из тех же заговоренных нитей.

Работа это была кропотливая и утомительная, но спорилась быстро, и к часу хоблинского медопития всё было готово, и Эшши растянулся на траве, расслабляя затекшую спи-

ну и натруженные руки. И сам не заметил, как задремал.

Снилось ему что-то упоительно прекрасное. То ли пение гарпий под светом луны, то ли воцарение на троне великанов, то ли... Впрочем, это не важно, Рохля все равно ничего конкретного не запомнил. А вот что он запомнил на всю оставшуюся жизнь – это щекотное и страшное одновременно ощущение заползшего в ухо жука.

– А-а-а! – заорал путешественник, не оценивший столь оригинального способа разбудить задремавшего хоблина.

– А-а-а! – запищали, разбегаясь-разлетаясь маленькие человечки в зеленых костюмчиках.

– И-а-а! – внес свою лепту обрадованный веселой суетой ослик.

Эшши Рох схватил лежащий под рукой сачок, подскочил и принялся вслепую им размахивать, так как углядеть безобразников в траве было почти невозможно. Разумеется, безрезультатно. Только раззадорил эльфов, судя по звукам, просто покатывающимися со смеху.

– Ну погодите у меня! – рявкнул напоследок Рохля, погрозил невидимкам кулаком и, со злорадством отметив, что солнце близится к горизонту, принялся готовиться к ночной охоте.

Рытье ям-ловушек на глазах у потенциальной добычи может показаться делом глупым и недалновидным, но самолюбие и высокомерие маленького народца настолько велики, что всерьез опасность попасться никто из них даже не

рассматривает. А потому и запоминать расположение едва прикрытых эльфоловок не станут. Зато похихикать над нерадивым охотником, придумывая очередные пакости, – это всегда пожалуйста.

Когда опушка окончательно превратилась в хитроумный капкан, а вечерний туман заструился над самой землей, обгоняя наступающие сумерки, путешественник залег за кустом, высматривая долгожданные желтые огоньки.

Первыми всегда загорались те, что в высокой траве под деревьями. Света туда и днем попадало не слишком много, а едва начинался вечер, и эльфы – большие любители танцев, азартных игр и других, еще менее достойных, развлечений, зажигали фонарики. Эшши, однако, не торопился повторять размахивание грозным сачком, подозревая, что если и в этот раз никого не поймает – окончательно ославит себя на всю зачарованную рощу, как главное посмешище пулинской долины.

Время ползло так медленно, будто боги, решив наказать дерзкого юного хоблина, старательно растягивали каждую секунду. И только когда терпение героя было готово вот-вот лопнуть, раздался отчетливый щелчок, а после – отборная писклявая брань.

– Попался! – обрадовался Несчастливчик и на четвереньках пополз осматривать сработавшую ловушку.

Со дна ямки на Рохлю смотрел... хоблин! И вид он имел до того непривычный, что если бы его увидели дру-

гие хоблины, ни за что не приняли бы за своего. Во-первых, уши. Вместо приятного грязно-зеленовато-коричневого цвета, они имели поросячий розовый. А зубы? Зубы были белые! Будто не приличный немытый хоблин, а человек какой-нибудь. Или вообще эльф. Бррр.

Эшши протянул руку, чтобы достать это чудо из ловушки и увидел, как незнакомец в ответ протянул свою лапу, розовенькую и с аккуратно подстриженными ноготками. И только столкнувшись пальцами с холодной поверхностью зеркала, путешественник наконец сообразил, что именно натворили противные эльфы с его мирно дремавшим телом.

За спиной разъяренного хоблина вновь послышалось глумливое хихиканье.

Глава 3 Неудачная удачная охота

Что должен делать уважающий себя хоблин, если его совершенно неуважительно отмыли, пока он спал? Правильно, рассердиться и всех наказать. Эшши перехватил сачок поудобнее и, ориентируясь скорее на слух, чем на долгожданные фонарики, одним длинным взмахом поймал сразу трех весело хохочущих проказников.

– Ага! – вскричал герой, перекрывая эльфам путь к спасению растопыренной пятерней.

Куда менее радостное "ага" эхом прокатилось по зачарованной роще, и загустевший как сливки душистый туман наполнился желтыми огоньками. Большие уши Рохли Несчастливчика отлично улавливали не только звуки, но и движение воздуха, а потому мгновение спустя путешественник уже на всех парах мчался к привязанному на опушке ослику. Несколько десятков, а то и сотен маленьких человечков летели за ним и гудели, как разбуженные осы.

До навьюченного животного оставалось три деревца и овраг, когда нога Эшши провалилась в выкопанную им же ловушку. Хоблин взвыл от боли, по инерции упал вперед, а по законам наклонной поверхности – кубарем укатился в овраг. Единственным утешением в сложившейся ситуации неудачливому ловцу могло послужить только то, что теперь

он вновь выглядел как приличный хоблин. Но, разумеется, это его не утешало.

Сачок вылетел из рук еще в полете, а свеженаловленные проказники, выпавшие и извалявшиеся в грязи, страшно ругались, стоя перед самым носом путешественника.

Рохля Несчастливчик приподнял голову и окончательно убедился в справедливости данного ему прозвища: на одном из маленьких человечков красовался высокий колпак с вышитыми трилистниками.

– Колду-у-ун! – простонал Эшши и обреченно прижал уши.

Тем временем из рощи подтягивались все новые и новые эльфы, выстраивались ровными кольцами вокруг поверженного врага и тихонько шушукались, решая, как с ним поступить. Прислушиваться к их обсуждению совершенно не хотелось, но отдельные фразы то и дело выбивались из общего хора:

– Уши оторвать поганцу!

– Пусть лес прибирает!

– А давайте его заколдуем! Пусть всегда чистый ходит!

– И вещи стирает!

Сдвиг на опрятности, очевидно присущий всем обитателям зачарованной рощи, настолько противоречил хоблинскому представлению о красоте, что Рохла сжался в комочек от ужаса. В жабу превратить – и то гуманнее.

– Ти-хо! – рявкнул колдун и, окинув добычу вниматель-

ным взглядом, решил: – Пусть объяснит, зачем устроил эту нелепую возню.

Путешественник, неожиданно обретший надежду на спасение, тут же принял сидячее положение и состроил неправдоподобно жалобную гримасу, мол, я тут существо подневольное, меня заставили, пытали и вообще, и начал:

– Я не хотел! Это всё кикимора! Она меня...

– По существу, молодой человек, – проворчал старичок в колпачке, имеющий за плечами большой опыт общения с юными негодниками.

– Меня наняла кикимора, чтобы я нашел и поймал эльфов, которые испортили ее пруд.

Тут же поднялся невообразимый гвалт, все маленькие человечки загалдели разом, выдавая всеобщую причастность к этой шалости.

– Ничего мы не портили!

– Наоборот, улучшили!

– Спасибо бы сказала, дура зеленая!

– Ти-хо! Ты же хоблин, неужели тебе нравятся кикиморы?

– Да я их ненавижу! – честно сказал Рохля.

– Тогда почему? – удивился колдун и подергал себя за длинную бороду, видимо, ему так лучше соображалось.

– Она обещала мне клад. Ой. Два клада.

– Хмм, – задумался эльф, – но разве в болоте закапывают клады?

– А они...

Несчастливчик и сам не знал, что тут сказать. Нет, конечно, в болотах клады не закапывают. И на берегу болот тоже не закапывают. И даже рядом с берегом болот...

– Ах ты ж морда пупырчатая! – взвыл Эшши, схватившись за голову. – Обманула как... как...

– Как безмозглого сопляка, – подсказал колдун и вкрадчиво поинтересовался: – А знаешь, где действительно закапывают клады?

– В лесу?

– В лесу. А знаешь, как ты можешь отомстить обидчице и хорошенько заработать?

– Я не буду чистить пруд!

– И не надо, – ласково-ласково согласился эльф. – Кроме того, теперь я понимаю, в чем была наша ошибка. Кикиморы не могут жить в чистых озерах. Поэтому...

– Я не хочу убивать кикимору! Я вообще никого не убиваю! Я не...

– Тьфу ты, чистить, убивать... Глупости какие. Мы ее заколдуем. А ты нам поможешь.

Рохля раздумывал целую минуту. С одной стороны, зеленая его не просто обманула, а по-настоящему подставила, с другой – связываться с эльфами – себя не уважать. Все решило слова колдуна, сказанные тихим и уверенным голосом:

– Три сундука.

– Не потерпеть! – отрезал хоблин и запустил холщовым снарядом прямо в пупырчатый лоб.

Нечисть, не ожидавшая от наемного охотника ни такой прыти, ни такого хамства, не успела даже пригнуться, только зажмурилась. Но заговоренная нить, которой был завязан мешочек, соскользнула, и из него вылетели целых три крошечных седобородых колдуна.

Рохля сделал два шага назад, присел и сжался в комочек, просто на всякий случай. Вдруг его тоже заклинанием зацепит? А потому не увидел, как сотни маленьких желтых огоньков слетелись со всех сторон и будто по команде нырнули в озерную гладь.

– Это вы чего-о-о это? – верещала кикимора.

Она-то давно перестала жмуриться, а прятаться не позволяла гордость, и теперь замерла, словно уже была околдована, и с ужасом наблюдала, как тает ее любимая тина, а вода, мутная и зеленая, начинает светиться мягким голубым светом.

Когда визг вредной обманщицы внезапно стих, Эшши испуганно распахнул глаза. Да, кикимора – редкая зараза, да, она его подставила с оплатой, да, жалеть пакостную нечисть глупо и недостойно настоящего героя, но участь, постигшая болотную жительницу была столь ужасна, что сердце Несчастливчика сжалось. На большом камне, возвышающемся над пронзительно синей озерной гладью, сидела златовласая дева с длинным рыбьим хвостом. Глаза ее сверкали

праведным гневом.

– Ну будет тебе, прелестница, – медоточивым голосом увещевал эльфийский колдун. – Только посмотри, какая ты теперь красивая!

Кикимора... ну... больше, пожалуй, не кикимора свесилась с камня и действительно посмотрела. А затем распахнула рот и... запела. Тихо, ласково, проникновенно. Так, как никто на памяти хоблина не пел. Эшши даже сделал несколько шагов к берегу, но русалка вдруг оборвала свою песню, злобно рыкнула на эльфов, держащихся на почтительном (читай, безопасном) расстоянии и прыгнула в воду, обдав брызгами и проказливых человечков, и Несчастливчика. Навяждение тут же развеялось.

– Что вы с ней сделали?!

Главный колдун подлетел поближе, радостно шелкнул хоблина по носу и рассмеялся:

– Превратили в того, кто может жить в чистом озере. Разве не здорово?

– Совсем не здорово, – пробурчал Рохля, вспомнив, как ему не понравилось отражение в зеркале на дне ловушки. – Так не делается!

– Мы же сделали, значит, делается. Народ! Тащите сундуки герою. Он их честно заслужил.

Первый пулинский путешественник смотрел на заработанные сокровища и не мог заставить себя заглянуть под крышки. Ощущение, что он добровольно поучаствовал в

чем-то крайне мерзком и низким, обрушилось на него, как, в свое время, скала на дядю Кувиса, быстро и неотвратно.

Только к обеду следующего дня, отойдя на добрых пять миль и от озера, и от зачарованной роши, Рохля решился сделать привал. Две лепешки с жуками, полбутылки сидра и кусок козьего сыра кого угодно задобрят и умиротворят. Невозможно грызть самого себя, когда сгрыз уже столько вкусного. А потому Эшши наконец решился полюбоваться своей наградой.

Птицы, большие и толстые лениво перекрикивались в ветвях темных разлапистых деревьев, горы на горизонте светились заснеженными верхушками, а в колючем кустарнике, почти сплошняком устилавшем поляну тут и там поблескивали ядовитые красные ягоды. И посреди этого великолепия сидел невысокий ушастый хоблин, и, схватившись за голову, с болью в глазах смотрел на содержимое сундуков.

– Книги?! – взвыл он, когда страдать молча стало уже невозможно. – Почему книги?!

За спиной Рохли раздался треск и странные пощелкивания, будто кто-то стучал друг о друга костями. Шипящий, неприятно щекочущий уши голос спросил:

– У вас-с-с ес-с-сть книги?

Несчастливчик обернулся и тут же проклял тот день, когда... да, в сущности, любой день своей короткой жизни.

Глава 5 Откровения пророка Длиннохвостуса

– А-а-а! Паук! – заорал Эшши Рох, инстинктивно закрывая собой сундуки с добычей.

– А-а-а!... – заорал паук, превосходящий высотой 3-4 ослика, поставленных друг на друга, замялся и уточнил: – А ты ш-ш-што такое?

– Хоб... ик... хоблин.

– А-а-а! Хо-о-облин! – повторил крик паук и, вновь внезапно оборвав свое выступление, спросил: – А почему мы так орем?

– Стр-р-рашно.

Паук что-то обдумал, поиграл жвалами, перебрал лапками и пришел к разумному выводу:

– А если мне не страш-ш-шно, я могу не орать?

Рохля растерялся от такой постановки вопроса, но, тоже хорошенько обдумав ситуацию, согласился:

– Если вам не страшно, можете не орать.

– Спас-с-сибо, – прошипел паук и, согнув длинные суставчатые лапы, сел. – И, если позволите, я хотела бы кое-что прояснить. Впрочем, это не слишком важно, но... Точнее это важно только для меня лично, но...

– Да говорите уже, – не выдержал хоблин, чувствуя, как животный ужас уступает бразды правления телом простому хоблинскому любопытству.

– Я не паук. Я пауч-щ-щиха.

– Простите, – буркнул Эшши, отчаянно краснея ушами.

– Да ну ш-ш-што вы! Это я виновата. Мне следует помнить, что представители других биологических видов не слиш-ш-шком хорошо разбираются в половых различиях арахнидов, а потому...

– Вы меня не съедите? – перебил путешественник, решив прояснить этот вопрос как можно раньше.

– Нет! Страш-ш-шно подумать, что вы обо мне подумали... Ой, извините. Я несколько смущ-щ-щена. Видите ли, вы первый хоблин, которого я вс-с-стретила. И я бы не посмела потревожить ваш-ш-ш покой, если бы не услышала столь сладкозвучное для меня с-с-слово.

– Какое еще слово?

– Книги. И еще раз извините мою назойливость, но у вас-с-с и правда есть книги?

– Да забирайте! – Рохля широким жестом указал сразу на три сундука.

– Но как же я могу лишить вас чес-с-стно заработанной награды?! – воскликнула паучиха и, разглядев в лице Несчастливчика выражение вселенской скорби, неуверенно спросила: – Это ведь награда?

– Награда, награда. Забирайте. Мне этого добра не надо.

Герою, – хоблин встал и вытянулся во весь рост, изо всех сил выпячивая, как ему казалось, молодецкую грудь, – не нужны книги. Герою нужны деньги.

– Тогда вы выбрали не ту награду, – рассудительно заметила арахнидка и решила представиться: – Люссся.

– Люся?! – невежливо изумился Эшши, перебирая в голове все известные ему доселе женские имена. Люсями в пулинской деревушке называли разве что коз.

– Не Люся, а Люссся, – педантично поправила паучиха.

– Люссся. Так правильно? А я Эшши.

– Хорош-ш-шее имя Эшши, ш-ш-шипящ-щ-щее.

Люссся медленно протянула вперед одну из передних лапок, и хоблин вежливо ее пожал. Воцарилась неловкая пауза, такая всегда возникает между моментом официального знакомства и нахождением благоприятной темы для разговора. Хоблин первым справился со смущением и поинтересовался:

– Вам и правда нравятся книги?

– Очень! В них же с-с-столько мудрости, столько опыта, которого самос-с-стоятельно не постичь и за очень долгую жизнь! В них миры, в которых можно утонуть, идеи, которыми нельзя не вос-с-схититься, мысли, которые думал кто-то, кто жил на свете задолго до нас-с-с!

Рохля никогда не пытался рассматривать литературу с точки зрения содержимого, а не с позиции горючести страниц, и теперь чувствовал себя настоящим варваром. Кроме

того, предложение забрать книги просто так, заиграло жуткими зелеными красками, ровнехонько в цвет начавшей души хоблина жабы.

– А я никогда не читал.

Длинные уши, едва приобретшие изначальный серо-зелено-коричневый цвет вновь стали пунцовыми.

– Как же много вы потеряли! – ужаснулась Люссся. – Позвольте, я процитирую "Откровения пророка Длиннохвостуса": "Во тьме ночной, где не видно ни зги, и гарпии рыщут над миром, зажгите с-с-свечу и включите мозги, и книге позвольте с-с-стать сыром".

– Сыром? – растерялся Рохля.

– С-с-сыром, – подтвердила паучиха и, вмиг растеряв торжественность, пустилась в пояснения: – Видите ли, в те времена дойные животные были большой редкостью и с-с-символом немислимого богатства. С-с-соответственно, молочные продукты, а сыр, нес-с-сомненно, к ним относится, стоили так дорого, что позволить их с-с-себе могли только правители. Здесь автор сравнивает книгу с величайш-ш-шей драгоценностью того времени и одновременно с-с-с крайне питательным и полезным во всех отнош-ш-шениях продуктом.

– О как, – только и смог вымолвить хоблин.

– Если для вас-с-с лично книги действительно не имеют такого значения и ценности, как для меня, могу ли я всё же прос-с-сить вас отдать их мне? – Люссся засмушалась и опу-

стила голову между лапок. – Если ваш-ш-ше предложение все еще в с-с-силе.

– Не имеют, – отмахнулся Эшши, но, поразмыслив, покачал головой. – Но знаете, кажется, я понял, что не могу их просто отдать. Как я уже говорил, герою нужны деньги. Может, вы захотите их купить?

– Захочу. Но, к с-с-сожалению, у меня нет ничего похожего на деньги. – Паучиха сокрушенно покрутилась. – Видите, у меня даже карманов нет.

Рохля Несчастливчик печально развел руками, мол на "нет" и суда нет. И тут ослик, каменным истуканом застывший с самого момента появления новой знакомой издал пронзительно-торжествующее "И-а!", с успехом заменившее не существующее в сказочном мире слово "Эврика!".

– Точ-щ-щно! – восторженно воскликнула Люссся, вновь обретая надежду. – Вы ведь с-с-странствуете, верно? Простите, если я затронула слиш-ш-шком личную тему...

– Да, я – первый пулинский путешественник.

– Могу ли я предложить вам с-с-свои услуги провожатой? Я неплохо изучила и эти места, и многие другие, кроме того, не люблю, конеч-щ-щно, хвастаться, но я обладаю знаниями, поч-щ-щерпнутыми из книг и...

– А вы ездвая?

Паучиха злобно щелкнула жвалами, но тут же взяла себя в лапки.

– Нет. В лучш-ш-шем случае, выючная. Впрочем, я бы

предпочла обойтись без такого недос-с-стойного истинной леди...

– Понимаю. Простите, – снова перебил хоблин и задал последний вопрос: – А драться вы умеете?

– Я умею опутывать и ес-с-сть, – пробормотала "истинная леди" и смущенно поковыряла лапкой колючки.

Эшши содрогнулся, но устоял. Каждому настоящему герою просто необходим оруженосец! Ну или хотя бы книгоносец, под которым не будут разъезжаться копыта. А потому уверенно (он надеялся, что прозвучало это именно уверенно, а не как-то еще) заявил:

– Значит, решено, дальше идем вместе. А кстати, куда именно мы идем?

Глава 6 Чрезмерная плата за авантюризм

Спустя два рассвета и два заката Эшши Рох настолько привык к необычному облику своей новой знакомой, что даже перестал нервно вздрагивать, встретившись взглядом с красными, светящимися в темноте, глазами. Справедливости ради, Люссся не только не давала повода себя бояться, но и, при всех особенностях своего облика, умудрялась производить впечатление безобиднейшего существа.

Спутники уже миновали проклятую деревеньку, где хоблин похвастался навыками ловли призраков на морковку, и Орущую чашу, родину пулинских арахнидов. Сквозь паучий лес ослика пришлось нести, так как внезапно выяснилось, что панический страх усиливает врожденную хромоту у некоторых бессловесных тварей. Рохля, который добрую (хотя какая ж она “добрая”?) милю волоком тащил навьюченное животное, и сам к полуночи окончательно утратил способность ходить, а потому Люсссе пришлось экстренно плести гнездо. После этой знаменательной ночевки межвидовой союз решительно дорос до звания дружбы.

Теперь компания, суммарно насчитывающая четырнадцать ног, две руки, четыре уха и один хвост, лежала на песчаном берегу широкой реки и наслаждалась теплыми луча-

ми заходящего солнца. Впереди была ночь, безветренная и лунная, наполненная плеском воды, треском хвороста в костре и жареными жуками на палочках.

– Нам надо туда?

Эшши лениво приподнялся и указал на противоположный берег. Паучиха кивнула, не открывая глаз.

– А почему именно туда?

– Там я ещ-щ-ще не была.

Аргумент показался путешественнику достаточно веским, и он снова расслабился, радуясь первому настоящему привалу и мечтая о великих подвигах, несметных сокровищах и поверженных им, Рохлей, чудовищах, несомненно ожидающих его в этом неведомом пока “там”.

Но самый главный и самый неумолимый закон природы гласит: если твое воображение достаточно красочное, а тяга к приключениям сильна, фантазии могут сбыться куда раньше, чем тебе хочется и, как правило, совсем не так. Например, чудовища, которые представляются уже сразу поверженными, в реальности оказываются вполне живыми, очень активными и заслоняют собой солнце, мешая спокойно загорать.

Несчастливчик открыл глаза и, протянув правую руку, ткнул в бок задремавшую Люсси.

– Ммм?

– Над нами какие-то птицы. И они хотят нас сожрать.

Вопреки ожиданиям, паучиха не испугалась, а напротив,

подскочила на месте и только что в ладоши не захлопала от радости. И то, возможно, только по причине отсутствия ладошек.

– А вот и наш-ш-ш транспорт, мальчики!

“Мальчики”, которых при виде огромных оранжевых глаз “транспорта” пробирал мороз по коже (и шкуре), не оценили такого энтузиазма и одновременно выпалили:

– И-а!

– Ни за что!

– Дос-с-стань свою заговоренную веревку, поймай за лапу одну, потом другую, – деловито инструктировала Люссся, заворачивая драгоценные сундуки с книгами и остатки провианта в походное одеяло, – потом третью. Притяни птичек поближе к земле, и я с-с-склею им клювы паутиной.

– А остальные нас пока заключают.

– Не заключают. Обвязываемся веревками вокруг пояс-с-са, привязываем скарб и ос-с-слика и...

– И фиг они куда полетят.

Дальше паучиха и правда не придумала, но если и был иной способ перебраться на противоположный берег, ни в книгах, ни в разговорах арахнидов он не упоминался. Кроме того, разве пристало настоящему герою искать какой-то мост, когда есть такой замечательный шанс совершить пусть маленький, пусть безумный, но подвиг.

– А вот и пос-с-смотрим! Все, я все увязала. Давай!

И Рохля, зажмурившись и впервые в жизни помолвившись

всем богам, которых знал, “дал”.

Основная проблема в ловле хищного “транспорта”, как оказалось, не в том, чтобы его поймать, а в том, чтобы он тебя потом отпустил. Сова (а это были именно они) действительно полетели, и даже, что удивительно, в нужном товарищам направлении. Но едва достигнув другого берега, упитанный ослик выскользнул из лап одной птицы, паучиха укусила другую, и тоже вырвалась, а хоблин, с детства боявшийся высоты, так вцепился в свою, что из ловца превратился в добычу и стремительно уносился в сторону леса.

Люссся выругалась (разумеется, исключительно литературно) и закричала, скорее из отчаяния, чем с настоящей надеждой:

– Брось ты этого кос-с-стлявого! Возьми ослика, он с-с-сытнее!

– Ты права, – согласилась сова и, спускаясь, добавила: – Спасибо.

Эшши потер ушибленный бок, посмотрел вслед своему верному скакуну и удрученно вздохнул:

– Обязательно было... так?

Паучиха ничего не ответила. А что она могла сказать? Что глупый маленький друг ей дороже глупого маленького ослика? Что она так испугалась, что готова была предложить свою жизнь вместо его? Что... Глупости, в общем, всякие.

– Представляешь, с-с-совы разговаривают, – только и ответила Люссся.

Глава 7 Дикий-дикий чай

Операция по спасению ослика была вынужденно отложена до рассвета. Пробраться по незнакомому лесу в кромешной темноте, царящей под густыми кронами местных деревьев, – не героизм, а полное безумие. Костер потрескивал и пускал в прозрачный, пахнувший жасмином, воздух веселенькие искры, а в котелке побулькивал чай из малознакомых, но, хотелось бы верить, не ядовитых трав. Но вместо дружеских подтруниваний или страшноватых, но уютных баек, спутники перебрасывались только хмурыми взглядами, думая каждый о своем.

Люссся, извинившаяся уже сотню раз, понимала, что имея она возможность вернуться в прошлое, все равно не стала бы ничего менять. Да, несчастное четвероногое нечто было искренне жаль, но друга-то, друга(!) – все равно жальче.

Эшши, никогда прежде не чувствовавший себя настоящим, взаправдашним героем, впервые ощущал насущную потребность спасти беззащитное, слабое существо из лап неминуемой гибели. “Хоть бы до утра его не съели!” – билась в голове отчаянная мольба с каждым ударом сердца.

– Пос-с-спи пока, – тихо и жалобно посоветовала паучиха, – я покараулю. Тебе завтра с-с-силы понадобятся-с-ся.

– Ничего, переживу как-нибудь, – буркнул хоблин и за-

вернулся в одеяло по самый нос.

– Чай готов. Хочеш-ш-шь, я тебе жуков наловлю?

– Нет, спасибо.

Люс-с-ся встала, сделала небольшой круг по поляне, высматривая в высокой траве улиток покрупнее, нашла парочку совсем уж здоровенных (с голову Рохли, не меньше!), радостно пискнула и вытряхнула слизней из панцирей. Потом промыла добычу в речной воде, разлила ароматный отвар по импровизированным чашкам и протянула одну другу. Эш-ши молча принял подношение, не отрывая взгляда от пляски пламени, сделал маленький, осторожный глоток и закашлялся.

– Кх! Кх! Не пей это! – сдавленно просипел хоблин, выплескивая на землю остатки напитка.

– Горч-щ-щит? – расстроилась арахнидка.

– Хуже!

Любопытство заставило паучиху все-таки отхлебнуть самодельного чая, и она получила возможность испытать на себе ощущения удава, по глупости решившего проглотить ежа.

– Божеч-щ-щки Хрумба! Воды!

Несчастливчик взглянул на синеющую подругу и опрометью кинулся к реке. Следующие десять минут единственной и неповторимой Рохлиной жизни в точности походили на детскую игру “Хозяйка-забывайка”, в которой маленькие хоблины на перегонки приносят капитану своей команды то картофелину, то бусину, то еще какую-нибудь столь же “важ-

ную” ерунду. Если бы за бегом пулинского путешественника сейчас наблюдали судьи, ему бы тут же выдали самодельную “медаль” из камушка на веревочке.

После третьей “кружки” Люссся перестала синеть, после пятой краснеть, а выпив восьмую, окончательно приобрела изначальный бледно-лиловый в оранжевых пятнах окрас. Выдохшийся Эшши, в беспокойстве за напарницу растерявший обиду и негодование, привалился к мохнатому боку арахнидки и тяжело дышал.

– Прос-с-сти меня.

Может потому что это извинение стало сто первым, Рохля наконец поднял взгляд на провинившуюся подругу и обнял ее за мохнатую лапу. Стало так тепло и уютно, будто вернулся в детство, укутался в десяток одеял и знаешь, что впереди у тебя долгие летние каникулы, а злодей Финкл Мряк сломал ногу и теперь до самой осени не сможет тебя доставать.

– Можно я с тобой вот так посплю? – успел спросить хоблин и провалился в сон.

Глава 8 "Настоящий мужчина"

С первыми лучами рассвета Люссся увязала пожитки в удобный одеяльный узел, пока Эшши Рох забрасывал землей и без того еле тлеющие угли, и друзья вошли в узкий темный лабиринт незнакомого и почти непролазного леса. Почти сразу штаны хоблина насквозь пропитались росой, и теперь противно липли к ногам, мешая перелезть через толстые корни и трухлявые поваленные деревья.

– Может, стоило идти по самому берегу?

Рохля выругался, наткнувшись на очередной колючий кустарник, коварно прятавшийся в высоких и безопасных на вид цветочках.

– Ты бы там не пролез-с-с, – с сожалением покачала головой паучиха, перешагивая очередной скользкий мшистый валун. – Сплош-ш-шные мокрые камни и такие же мокрые коряги. Только ноги бы с-с-себе переломал.

– Ага, а тут сухо и никаких коряг, – проворчал хоблин, завистливо покосившись на длинные суставчатые лапы подруги.

Когда покинутая поляна окончательно скрылась из виду, в кроне над головой друзей послышалось невнятное шуршание, прервав царившую до этой минуты гробовую тишину. Так часто бывает, тьма не кажется непроглядной, пока ее не прорежет луч света, а какофония традиционной эльфийской

музыки не представляется оглушительной, пока не умолкнет последняя волынка.

– А почему тут так тихо? – запоздало насторожился путешественник.

– Да нет, слышиш-ш-шь? Что-то шурш-ш-шит.

– Шуршит, но не стрекочет и не чирикает.

Спутники замерли, пытаясь различить в окружившем их безмолвии хотя бы намек на птичий щебет, а Люссся заозиралась в поисках какого-нибудь мелкого насекомого. Никого. Возмущение по поводу коварной растительности уступило место тревоге.

– Может, эльфы шурш-ш-шат? – неуверенно предположила паучиха.

– Эльфы птицам не помеха.

И тут с ближайшего дерева прямо на голову первому пулинскому путешественнику спикировало маленькое обезьяноподобное существо и принялось с энтузиазмом оголодавшей пираньи грызть кончик длинного хоблинского уха. Эшши заверещал, по-девчачьи тоненько и звонко, и, не без труда поймав вертлявую пакость, забросил ее в кусты.

– Ты ус-с-спел разглядеть, что это было?

– Нет, – проворчала жертва нападения, – мелочь какая-то.

Какая-то мелочь или другая такая же, но тоже заинтересованная в дегустации деликатесного ушка, напрыгнула на Рохлю со спины. И, судя по тому, как замахала лапами Люссся, на ее долю тоже досталось какой-то мелочи. “Хорошо,

что ослика с нами нет!” – внезапно искренне обрадовался хоблин, – “Ему бы от этой пакости копытами не отмахаться! Ой!”

– Что это за дрянь?! Ты их узнала? – взвыл Несчастливчик.

– Потом рас-с-скажу, – отмахнулась арахнидка. – Бежим! И они побежали. Колючки, коряги, валуны и скользкие грибы больше не мешали компании уверенно продвигаться вперед. По сравнению с зубастыми плотоядными тварями, это были уже такие мелочи!

Лес, на пересечение которого у опытных путешественников ушли бы сутки, друзья преодолели уже к закату. Вывалились, шумно дыша, потрепанные, в рваной одежде и с кровоточащими тут и там укусами. Последнюю мелкую пакость Эшши с размаху зашвырнул обратно в чащу и громко, забористо выругался.

– Ничего себе прогулочка! – выдохнул хоблин.

Раскинув руки, он рухнул на густую мягкую траву, даже не потрудившись предварительно посмотреть, куда именно рухнет. Встреча Рохлиной спины с семейством ежей стала неприятным сюрпризом для всех участников. Хоблин подскочил, с чувством присовокупил к уже сказанным ругательствам новые и наконец спросил:

– Так что это были за твари?

Люссся, в этот самый момент заклеивающая паутиной самые крупные ранки, оживилась и приосанилась. Голос ее

звучал размеренно и спокойно, как и подобает умудренному жизнью и книгами сказочнику.

– Эти с-с-существа впервые были упомянуты в пророчестве С-с-сонного Пыхлика.

– Кого?!

– С-с-сонного Пыхлика, первого летописца пророка Хлюбба. Он пис-с-сал: “Да нас-с-ступят времена темные, непроглядные. И призовет природа детей с-с-своих нерадивых, и зас-с-ставит ответить за с-с-слова их и поступки неразумные. И заплетет города дикой лозой, и возьмут травы верх над камнями мос-с-стовых и крепостными с-с-стенами. И выйдут на улицы суц-щ-ществва маленькие и злобные, до мяс-с-са охочие да зубами в три ряда с-с-снаряженные”.

– Да какие нафиг темные времена?! – возмутился хоблин, которого от таких пророчеств бросило в дрожь. – День же был белый!

– Ну там-то, в лес-с-су, было темно и непроглядно, – справедливо возразила паучиха.

– Ну знаешь! А попозитивнее источники тебе не попадались?

– В откровениях Манала Зеленого упоминаются крош-ш-щечные обезьянки, не с-с-столько злобные, сколько плотоядные. Так лучш-ш-ше?

– Да! – воскликнул Эшши. – Вот так бы сразу! А то все, всему конец, нас всех съедят!

– Те летопис-с-си были старш-ш-ше, потому с них и на-

чала.

– Ладно-ладно, давай рассказывай про обезьянок.

Рохля с удивлением понял, что ему и правда интересно.

– Манал Зеленый путеш-ш-шествовал со своими проповедями по самым отдаленным краям наш-ш-шего континента и оставил после с-с-себя множество путевых заметок. В том числе и про обезьянок, которые живут в неплодовых лес-с-сах, бедных на орехи и прочую сытную растительную с-с-снесь. Эти существа питаются насекомыми, птицами, заблудивш-ш-шимися путниками и даже случайно забредш-ш-шими в их владения арахнидами.

– И арахнидами? – поразился хоблин.

Паучиха показала длинную лапу с четырьмя уже залепленными паутиной укусами.

– Видиш-ш-шь? Ещ-щ-ще как питаются!

– Да уж. – сочувственно покачал головой Эшши и предпочел сменить тему: – Мы хоть с направления не сбились?

– Кажется, нет. Вот там, с-с-слева, река.

– А, вижу! – обрадовался хоблин и, подумав, предложил: – Только давай мы здесь ночевать не будем, а? Я тоже устал, но хочется отойти подальше от рассадника этих... этих...

Он так и не смог подобрать слово, которое бы с достаточной точностью передавало его отношение к кровожадным маленьким тварям, но подруга и так его поняла.

– Нам придется с-с-ся заночевать на этой поляне, – арахнидка махнула рукой вперед, там что-то поблескивало, но

разобрать, что именно, Рохля в надвигающейся тьме уже не мог, – у нас-с-с нет выбора.

– А что там?

– Рус-с-салочье озеро.

– И что? – не понял Несчастливчик, припомнив несчастную кикимору, насильно превращенную в хвостатую красавицу.

– Как это, и что? Они же мужчин с-с-соблазняют своим пением и топят! А ты, – Люссся окинула хоблина критическим взглядом, – какой-никакой, а мужчина.

– Что значит, какой-никакой?!

Эшши вскочил и закрутился на месте, рисуясь.

– Вот, смотри! Настоящий мужчина! Почти совсем героический! Первый пулинский путешественник, а не шиш гороховый!

– А будеш-ш-шь “первый пулинский утопленник”. Давай отойдем локтей на двести да разведем кос-с-стер. Ну их, крас-с-савиц этих певучих.

Рохля Несчастливчик вздохнул и принялся собирать хвост. Он, как настоящий, взаправдашний, героический мужчина, не стал спорить с мудрой женщиной.

Глава 9 Восход первой луны

Эшши Рох проснулся, когда затекшее и потерявшее чувствительность тело вновь начало ее обретать. Тысячи и тысячи иголок одновременно впились в каждый сантиметр тощего хоблинского тела. Он распахнул глаза и, пораженный, уставился на родную заговоренную веревку, коварно опутавшую его от груди до щиколоток. Поясницу путешественника царапала кора высокого дерева, а между лопаток упирался маленький, но противный сучок.

– Спасите! Похитили! Ограбили! Убили!

– Убитые так не голос-с-сят, – заметила Люссся, подкрадываясь к пленнику со спины, в рассветных лучах блеснуло лезвие охотничьего ножа.

Рохля, воображение которого рисовало полчища злобных лесных демонов, кровожадных русалок или, на худой конец, банальных разбойников, как замороженный смотрел на боевую подругу, не в силах вымолвить ни слова.

– Хочеш-ш-шь, развяжу? – спросила арахнидка чужим, настороженным голосом.

Хоблин отчаянно замотал головой. Мало ли что задумала эта чокнутая, пусть уж лучше все остается, как есть. Только когда “чокнутая” предстала перед Эшши целиком, он заметил, что вид у подруги не угрожающий, а напротив, затравленный и виноватый.

– Это все рус-с-салки, – покаялась Люссся и, аккуратно разрезав нераспутываемый сложный узел, принялась развязывать пленника.

– Но я же спал и не слышал, как они поют! А значит, не мог пойти топиться в приятной компании! – Рохля бросил взгляд на свои путы. – Или мог?

– Не мог, – еле слышно сказала паучиха и вздохнула.

Первый пулинский путешественник растирал затекшие конечности и пытался сложить в голове веревку, проводницу, русалок и свою сонную глухоту. Не складывалось.

– Перестань суетиться, сядь и расскажи по порядку!

***

Прошлой ночью.

Едва из озера выплыла первая луна, круглая и нежно-голубая, на полянку высыпали, будто стая птиц, босоногие (впрочем, и босотелые, и босогрудые) девушки и принялись кружиться в странном танце, повинуюсь зову неслышной никому кроме них музыки. Паучиха, не рискнувшая оставить друга без присмотра, не спала, и, завидев незнакомок, затаилась в кустах. То ли опасаясь напугать подлунных гостей, то ли из любопытства. Она и сама не знала, какой из вариантов более близок к истине.

Так прошел час, затем еще один. Танец сменялся другим, почти таким же, девы не уставали и не сбивались с одного им ведомого ритма, и Люссся начала задремывать, загипнотизированная спокойными, повторяющимися движениями и

размеренным темпом этих плясок. Уже проваливаясь в мягкую, уютную тьму, арахнидка непроизвольно дрыгнула лапкой, и раздался оглушительный треск: это сломалось в месте удара маленькое, совсем тонкое, сухое деревце.

Девушки замерли. Несколько бесконечно долгих секунд смотрели они в темную чашу, чаша, замершая в испуге, смотрела на девушек. И тут от стайки танцовщиц отделилась одна, невысокая и вся какая-то округлая, подошла к самым кустам, храбро их раздвинула и звонко рассмеялась.

– А от кого ты тут прячешься?

Люссся, не встречавшая прежде храбрых голых девиц, совсем растерялась, оранжевые пятнышки залились румянцем смущения.

– Я... это... так...

– А я Алайя, очень приятно, Яэтотак! – взвизгнула девица, и поляна озарилась дружным залиvistым смехом.

– Люссся.

– Что?

– Меня зовут Люссся.

– А-а-а, – ехидно сощурившись, протянула Алайя, – а я думала, Яэтотак. Пойдем плясать с нами!

– Я... не могу.

Арахнидка помахала лапками, демонстрируя полную танцевальную несостоятельность.

– Ерунда! – отмахнулась девушка и потащила новую подругу под яркий свет луны.

Люссю тут же окружили, и полилась волшебная песня, и взлетели из высокой травы прячущиеся прежде светлячки. Золотые огоньки окутали паучье тело, завихрились синекрылые бабочки, поднялся теплый, чуть пряный ветер, меняя течение времени и судеб. Спустя минуту все стихло: насекомые вновь попрятались под широкие листья ракунки (1), замолкла тягучая, нежная мелодия, замер густой и сладкий ночной воздух. Посреди поляны, в кругу юных прекрасных девушек, стояла такая же юная и прекрасная Люсся.

(1) Ракунка – ракун-трава, используется мелкими воришками в сушеном виде как талисман на удачу. Серьезные воры и маги ракун-травой брезгуют. Длинные бледно-лиловые волосы с редкими звонко-рыжими прядями ниспадали на обнаженные плечи, а вместо мохнатых суставчатых лап красовались стройные девичьи ножки.

Глава 10. Я же не эта, ик, как ее?

Рохля окинул выразительным взглядом многоногую мохнатую фигуру подруги и скептически приподнял правую бровь. Люссся фыркнула и дерзко вздернула жвала, мол, сначала дослушай, а потом уж решай, верить или нет.

– Ладно, ладно, – махнул рукой хоблин, – извини, продолжай.

И паучиха продолжила.

У русалочьей магии есть два неперемных условия: ясный свет луны и полное отсутствие случайных и не очень свидетелей. При этом свидетельницы никакого вреда волшебству не наносят, никто не знает, почему. Может, дело в том, что жертвами озерных дев традиционно становятся только мужчины, а может, в чем-то другом, этого не помнят даже самые старые русалки.

Поначалу никто и не думал привязывать спящего Эшши к дереву, честно говоря, о нем и вовсе забыли. Девушки невесть откуда достали большие глиняные кувшины с крепленным вином, а Люссся наловила и пожарила к нему улиток. Пиршество получилось – заглядение! Веселые песни, треск веточек в костре, душистый хвойный дым, сладкое вино, изысканные закуски и, разумеется, страшные байки.

– А он ка-а-к ухватит за хвост, ик, – замогильным голосом

вещала тоненькая рыжая Осха, страшно выпучивая глаза. – И говорит, ик, исполни три моих желания, а не то, ик, съем!

– И что ты сделала? – Паучиха подалась вперед, испуганная и взволнованная, жадно впитывая каждое слово.

– А что я, ик, сделаю? Я же не рыбка эта... как, ик, ее?

– Золотая, – подсказал кто-то за пределами светового круга.

– Да, эта, она, золотая которая. Я, ик, желания исполнять не умею, кроме разве что, ик, самых низменных. Но я ж не эта, ик, как ее?

Тот же голос подсказал, и половина русалок звонко расхохотались, остальные отчаянно покраснели. Люссся, прежде всегда избегавшая шумных сборищ, веселилась больше всех.

Из-за леса лениво выползла вторая, зеленая, луна – предвестник скорого рассвета. Голоса стали тише, байки короче и печальнее, где-то у самого озера проснулась и огласила округу радостной трелью самая ранняя пташка.

– Когда ночь кончится, я снова стану собой? – полуутвердительно и очень грустно спросила паучиха, уже зная ответ.

– Или раньше, если твой парень проснется и нас увидит, – пискнула Алайя.

– А давайте его, ик, к дереву привяжем. Лицом к лесу! Ик!

Русалки рассмеялись, поначалу не слишком искренне, скорее из вежливости, но с каждой секундой серебряные колокольчики девичьего хохота становились все задорнее и

звонче.

– А давайте! – внезапно решилась пьяненькая Люссся.

Глава 11. Иногда героизм не в геройствах

Хоблин молчал так долго, что покаявшаяся во всех грехах Люссся уже успела пожалеть о своем покаянии. Да, некрасиво вышло, но ведь у нее впервые в жизни появились такие подруги, которые... А, впрочем, мальчикам не понять.

– Я понимаю, – вздохнул Рохля и встал.

Паучиха напряглась, ожидая, что вот сейчас он развернется и уйдет дальше один, без нее. И будет прав. От нее ведь одни проблемы! И ослика сгубила, и от мелких тварей не уберегла, и к дереву вот опять же привязала. И что она теперь будет делать? Пойдет к русалкам? Да зачем она им нужна, многоногая и лохматая? В человека же только раз в месяц превратиться можно. А что делать в остальные безрадостные одинокие дни? Податься к своим? Не примут. Как пить дать, снова изгонят. Потому что и арахнидка она не настоящая, а так, восьмилапое несуразное чудище. Люссся всхлипнула.

– Эй, ты чего? – встревожился хоблин и, подойдя поближе, обхватил руками пушистую ногу подруги. – Да не сержусь я! Честное слово! Если бы меня вот так внезапно приняли в компанию, да еще превратили в настоящего героя, я бы тоже все на свете позабыл!

– Правда не с-с-сердиш-ш-шься?

– Правда. Ну хочешь, ослика спасем и вернемся к твоим русалкам?

– А смыс-с-сл?

– На берегу поселимся, будешь в девушку превращаться. Ну хочешь, привязывай меня каждую ночь к этому дурацкому дереву! Только ослика ты это, тоже на всякий случай к девчонкам не пускай, ладно?

– Я не хоч-щ-щу, – еще горче всхлипнула Люс-с-ся, осознав наконец, о чем на самом деле переживает Рохля.

– А чего ты хочешь?

– С-с-с тобой пойти.

– Так пойдем!

– И в человека хочу превратиться-с-ся. Только навс-с-сегда.

– А это вообще возможно? – спросил Несчастливчик и с надеждой взглянул в глаза подруги.

– Никогда о таком не с-с-слыш-ш-шала. Но ес-с-сли по-ис-с-скать толкового колдуна...

– Значит, решено! Спасем скотину и наловим тебе увесистый мешочек толковых колдунов!

Рохля, расчувствовавшись, неожиданно для самого себя, звонко чмокнул подругу в правую хелицеру. Люссся покрылась яркими лиловыми пятнами смущения и шепотом пообещала:

– Когданибудь я тоже с-с-смогу тебя поцеловать.

Неловкость ситуации достигла того уровня, когда любое

сказанное друзьями слово могло внести в и без того непростые отношения совершеннейшую сумятицу, а потому, наскоро перекусив и быстро собравшись, молча и стараясь не глядеть друг на друга, спутники продолжили путь.

Глава 12. И всё идет по плану (или нет)

День растянулся на сотню часов и верст. Солнце ползло по небосводу так медленно, что, казалось, вовсе не двигалось с места. Неловкое молчание трансформировалось в тоскливое, а затем в печальное. Люссся несколько раз набирала в грудь воздуха, чтобы заговорить, но так и не решилась. И только когда над друзьями нависла угроза такого же скучного обеда, Рохля не выдержал и на пробу подкинул тему для разговора:

– Как считаешь, дойдем мы к вечеру до свиного города? Арахнидка бросила на спутника благодарный взгляд.

– Обязательно дойдем. И спас-с-сем! А кс-с-стати, как мы его спас-с-сем?

– Я хочу предложить обмен.

Паучиха выронила сверток с провизией и резко обернулась на хоблина.

– Что ты имееш-ш-шь в виду?

Рохля принялся чертить палочкой на земле неразборчивые каракули, избегая смотреть подруге в глаза.

– Я предложу взять меня вместо ослика. Уж у меня-то больше шансов сбежать и не быть съеденным!

– С-с-сумас-с-сшедш-ш-ший!

– У него есть только копыта и нет ни капли мозгов! – взвился хоблин. – У него нет шансов выбраться самостоятельно! А я...

– А ты с-с-самоубийца!

Вновь повисла тишина, липкая и вязкая, пропитанная невысказанными обидами и тревогой. Рохля глубоко втыкал в землю палку, процарапывая борозды глубиной в два пальца. Паучиха еще с минуту понаблюдала за этими гневными художествами, и с отчаянной решимостью предложила:

– Давай это с-с-сделаю я.

– Что сделаешь?

– Ты только дос-с-слуш-ш-шай, ладно? Не перебивай.

Несчастливчик кивнул.

– С-с-совиный город с-с-состоит из домиков выс-с-соко на деревьях и дорож-ш-шек между ними. Нам туда незаметно не забратьс-с-ся. Что если мы...

Люссся наклонила голову к большому хоблинскому уху и зашептала, будто опасаясь, что их кто-то может подслушать. По мере того, как арахнидка излагала свой рискованный план, лицо Рохли прояснялось, а в больших янтарных глазах загорались первые искры надежды.

Мшистый лесок удалось пройти без приключений, а у говорящего холма произошла небольшая заминка – он наотрез отказывался пропустить путников, пока с ним не обсудят последние новости пулинской долины. Холм оказался неожиданно осведомленным о жизни хоблинов, а Несчаст-

ливчик обидчивым, и паучихе даже пришлось оттаскивать друга, вознамерившегося прорубить ржавым мечом удобные ступеньки.

– Никакой ты не Рохля! – в сотый раз повторяла Люссся, поглаживая по спине пыхтящего путешественника. – Нич-щ-щего они о тебе не знают! Ты прос-с-сто не мог рас-с-скрыть свой потенциал с-с-среди огранич-щ-щенных личнос-с-стей.

– Да нет, все верно. Рохля Несчастливчик.

– Примерил мамин лифчик! Уа-ха-ха! – прогрохотал неугомонный холм.

– А ты вообще...

– Мальч-щ-щики! Эш-ш-ши, пойдём отс-с-сюда. Мы уже совс-с-сем близко.

– Уа-ха-ха! Один осел другого спасти собрался!

– Да я тебя сейчас...

– С-с-спрячь меч! Идем!

Хоблин напоследок рыкнул что-то невразумительное, нехотя убрал оружие и с гордо поднятой головой (а хотелось – пальцем) направился прочь от этого проклятого места. Паучиха, похватав скарб и укоризненно покачав головой, догнала товарища.

Сначала друзья увидели закат. Такой ослепительно яркий, что у Люссси разом заболели все глаза. Она опустила взгляд под ноги и всего через десяток шагов со всего маху влетела головой в шершавый ствол векового дерева. Судя по ругани, донесшейся справа, Эшши постигла та же участь.

– Уху! Кто здесь?

– Вес-с-сь план на с-с-смарку, – прошипела арахнидка.

– Это мы, первый пулинский путешественник и прекрасная заколдованная принцесса! – проорал хоблин, и сам ошалел от собственной импровизации.

– И что вам тут на... уху... надо?

– Совиная мудрость известна по всей долине! И если где-то существует достаточно могущественный колдун, то только в вашем благословенном городе!

– Уху, – то ли согласился, то ли просто ухнул стражник.

– Пус-с-стите нас-с-с, пожалуйс-с-ста! Я как рас-с-сколдуюсь, осыплю вас-с-с золотом и полевыми мыш-ш-шами!

Сверху задумчиво пошуршало и затихло, а из густой кроны полилась странная, незнакомая, но вполне приятная слуху музыка.

– Уху. Ладно, забирайтесь. У нас сегодня... уху... праздник. Только про золото, про золото не забудь, – все еще невидимый собеседник замаялся, тщательно подбирая следующее слово, и наконец выдал: – красавица.

Люссся зарделась и принялась плести веревочную (вернее, паутинную) лестницу.

Глава 13 Как тут не растаять?

Едва ноги и лапы спутников коснулись твердого настила из плотно переплетенных прутьев и веток, до их слуха донеслось мелодичное бархатистое пение.

– Правда... уху... красиво?

Большие янтарные глаза сурового стражника заволокло соленой влагой. Люссся кивнула, замороженная не столько роскошным голосом, сколько вопиющей бредовостью текста. А Эшши Рох впервые пожалел, что боги наградили хоблинов такими большими и чуткими ушами.

Со спины сорвал ветер мой пиджак,
Я хотел быть пони, но вышло всё не так,
В мире нет места для поющего осла,
И теперь в небеса меня птица унесла-а-а!
Разбежавшись, прыгну под сову-у-у,
Вот я был и вот меня не ста-а-ало,
И когда услышишь ты как я-а-а пою-у-у,
Тогда поймешь, кого ты потеряла.
Быть таким, как все с детства не умел
Видимо такой в жизни мой удел,
А она выбрала Рохлю хоблина,
Никогда б не смогла полюбить осла-а-а!
Разбежавшись, прыгну под сову-у-у,
Вот я был и вот меня не ста-а-ало...

– Кто это поет? – внезапно осипшим голосом спросила арахнидка.

– Настоящие... уху... звезды! – с нескрываемым восторгом прошептал стражник, чтобы не заглушать певца. – Музыкальная группа “Осел и кнут”. Они совсем недавно... уху...

– Ну ш-ш-што они “уху”, это я и так виж-ш-шу! – прошипела Люссся и решительно направилась в сторону сцены, грозно топая всеми лапками.

Рохля Несчастливчик, с трудом справившись с охватившим его оцепенением, опрометью бросился за подругой.

– Что ты собираешься делать?!

– Я его убью!

– Но мы же пришли его спасать!

Аргумент был веским, и паучиха остановилась, всерьез обдумывая сложившуюся ситуацию. Хоблин воспользовался возможностью отдышаться, но, вспомнив припев баллады, запыхтел еще сильнее.

– А знаешь... – начал было он, но был безжалостно перебит на удивление деловитыми и спокойными рассуждениями спутницы:

– Мы пришли с-с-спасать осла, которого муч-щ-щуют и убивают. Давай так: я его буду муч-щ-щить и убивать, а ты – спас-с-сать. По рукам?

– Я тут подумал... – Эшши замялся, стараясь не выдать

непрощенной и, чего греха таить, глупой ревности. – А давай это я буду убивать и мучить, а ты – спасать?

– Да не хочу я его спас-с-ать! – возмутилась Люссся.

– Вот жмряк! Я теперь тоже не хочу.

– Тогда сориентируемс-с-я на мес-с-сте. Может прос-с-сто морду набьем.

Хоблин в очередной раз восхитился мудростью подруги. Воистину, женщины умеют себя вести в критических ситуациях! Ну иногда... Некоторые... В некоторых критических ситуациях...

Идти оказалось совсем недолго, свиный город поражал размерами, только если смотреть на него снизу: бредешь по лесу, бредешь, а неба все не видно. Но от главного входа (влета?) до центральной площади не было и тысячи шагов, Рохлиных, разумеется, а потому спутники очень скоро увязли в пернатой толпе.

Первый пулинский путешественник старался смотреть исключительно под ноги, вертящиеся во все стороны головы и посекудные “уху” здорово его нервировали. Люссся, напротив, по мере приближения к злосчастной жертве похищения становилась все решительнее, и уже не стеснялась расталкивать зачарованных музыкой сов. Тем не менее прорваться через такое количество народу оказалось непросто, и, когда наконец удалось разглядеть сцену, проклятого осла на ней уже не было.

– И что делать? – просипел Хоблин, до хруста в ребрах

зажатый между двумя восхищенными меломанами.

– Он должен быть где-то рядом! – рыкнула паучиха и, набрав в грудь побольше воздуха, рывкнула на всю совиную площадь: – Разойдис-с-сь, народ! Где мой возлюбленный?! Я ус-с-слышала его песню и...

– Уху... Фанатка? – поскучнели заинтересовавшиеся было птицы.

– Говорю ж-ш-ше, возлюбленная! Вот он, Рохля хоблин! – арахнидка ловким движением выдернула друга из пернатых клещей и подняла высоко над толпой.

– Это принцесса... уху... заколдованная! – проорал с задних рядов неугомонный стражник. Когда только успел догнать?

– А-а-а! – протянул недоверчивый филин. – Тогда... уху... понятно!

Возбужденное уханье и перешептывание слились в громкий гул, по эмоциональности сравнимый только с жужжанием потревоженного улья. Почти минуту звук нарастал, а затем, будто повинувшись невидимому колдуну, резко стих, и совы расступились, пропуская спутников в “святая святых” – за сцену. На Несчастливчика толпа поглядывала так недобро, что он предпочел уцепиться за мохнатую лапу ослиной “принцессы”.

Гримерной музыкантам служил обыкновенный сарай, где, судя по ошметкам сена и мышиному помету, еще совсем недавно разводили кормовых грызунов. Кроме совиной еды

и еды для совиной еды в ветхой постройке красовались перевернутый деревянный ящик, неумело притворяющийся стулом, цветочные венки разной степени потрепанности и большое зеркало, в котором отразились три одинаково удивленно-возмущенные морды (лицо среди них было только одно, а потому не считается).

– Ты! – прошипела паучиха и грозно кляцнула жвалами. – Значит, ты с-с-сюда с-с-сам подалс-с-ся?!

Ослик, развернувшись одним прыжком, вжался в стену и отчаянно замотал головой.

– А мы... – шаг, – тебя... – еще шаг, – спас-с-сать... – дальше шагать было некуда, и Люссся яростно выплюнула последнее слово: – приш-ш-шли!

– Спаси-и-ите! – неуверенно пискнул осел, окончательно выведя из себя молчавшего прежде Рохлю.

– Я думал, мы с тобой товарищи! Герой и его верный скакун! Я думал, мы друзья! А ты... ты... сволочь ты поющая! Вот!

Поющая сволочь бросила затравленный взгляд на единственный выход и, зажмурившись, взмолилась:

– Не убива-а-айте меня! Я вам еще пригожусь!

– В качестве мяс-с-са? – скептически хмыкнула паучиха.

Глазки у осла забегали, мысли в голове сменяли друг друга так быстро, что если прислушаться, можно было различить едва слышное гудение. И тут в толпе перед сценой снова раздался голос очарованного балладой стражника:

– Да клянусь... уху... точно принцесса! Заколдованная!
Нет... уху... не брешет! Я сам видел!

Что именно он сам видел, уже было не разобрать, торжествующий вопль бессовестного животного заглушил все посторонние звуки:

– Я отведу вас к колдуну!

Спутники переглянулись, и Люссся нехотя отступила.

– Веди.

Уже на выходе, когда хоблин и его скакун, тихонько переругиваясь, обсуждали предстоящий маршрут, паучиха вороватым движением сунула в тюк потрепанный песенник в кожаном переплете. Дурак, конечно, и вообще осел, но это первые стихи, которые кто-то написал для нее. Как тут не растаять?